

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТИ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Екатерина Александровна Болотова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, теологии
и религиоведения Кубанского государственного университета;*

преподаватель кафедры богословия Екатеринодарской духовной семинарии (Россия)

kbolotova@list.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_31

Аннотация. Данная статья посвящена анализу ценностного критерия научного познания, вытекающего из принципа «человекоразмерности» научной методологии в постнеклассической парадигме современной науки. В отличие от классического периода, стремящегося к независимости результата научного познания от познающего субъекта, наука с начала XX века вынуждена признать не только неразрывность связи между результатом познания и познавательными способностями человека, но и взаимосвязь науки со всеми формами духовной жизни общества. Тем не менее при все возрастающем интересе к религии и духовным вопросам в решении практических задач определяющим для человеческого сообщества является «научный» «рациональный» критерий, будь то биоэтические проблемы или построение моделей устройства вселенной. Мы все еще мыслим в категориях «двойственной истины» западной средневековой философии. В статье предпринята попытка применения термина «человекоразмерность» к обоснованию определяющего характера духовной природы (в том числе познавательных способностей) человека в отношении к получаемому знанию. Проблемное поле статьи заключается в следующем: поскольку наука является «человекоразмерной», то есть определенной ценностными особенностями познающей личности, то что в свою очередь должно являться критерием «человекоразмерности»? На этот вопрос есть ответ в православной антропологии: человек — образ и подобие Божие. По убеждению автора, только при усвоении и методологическом применении такого нравственного критерия к любому познавательному

процессу возможно получение истинного знания в каждой сфере духовной деятельности человека.

Ключевые слова: духовные ценности, православная антропология, аксиология, наука, познание, человекоразмерность, познающий субъект.

Для цитирования: Болотова Е. А. Проблема человекоразмерности научной методологии // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2023. № 4 (8). С. 31–45. DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_31

THE PROBLEM OF ‘HUMAN-DIMENSIONALITY’ OF SCIENTIFIC METHODOLOGY

Ekatherina Aleksandrovna Bolotova

*PhD in Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy,
Theology and religious studies of the Kuban State University;
lecturer in theology department of the Ekaterinodar Theological Seminary (Russia)*
kbolotova@list.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_31

Abstract. The article is devoted to the analysis of the value criterion of scientific knowledge arising from the principle of ‘human dimension’ of scientific methodology in the post-non-classical paradigm of modern science. Unlike the classical period, which strives for the independence of the result of scientific knowledge from the cognizing subject, science since the beginning of the 20th century has been forced to recognize not only the inextricability of the connection between the result of cognition and human cognitive abilities, but also the relationship of science with all forms of spiritual life of society. Nevertheless, with an ever-increasing interest in religion and spiritual issues in solving practical problems, the determining factor for the human community is the ‘scientific’ ‘rational’ criterion, be it bioethical problems or building models of the structure of the universe. We still think in terms of the ‘dual truth’ of Western medieval philosophy. The article attempts to use the term ‘human-dimensionality’ to substantiate

the determining character of human spiritual nature (including cognitive abilities) in relation to the knowledge gained. The problematic field of the article is as follows: since science is 'human-dimensional', i.e. determined by the value characteristics of the cognizing personality, what, in turn, should be the criterion of 'human-dimensionality'? There is an answer to this question in Orthodox anthropology: man is the image and likeness of God. According to the author, only with the assimilation and methodological application of such a moral criterion to any cognitive process is it possible to obtain true knowledge in every sphere of human spiritual activity.

Keywords: spiritual values, Orthodox anthropology, axiology, science, cognition, human-dimensionality, cognizing subject.

For citation: Bolotova E. A. The problem of 'human-dimensionality' of scientific methodology // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2023. No 4 (8). Pp. 31–45. DOI: 10.55398/27826066_2023_4_8_31

Проблема человекоразмерности научного знания возникает в философии науки на определенном этапе эволюции позитивистской парадигмы (а именно, постпозитивизма), соответствующей постнеклассическому этапу развития научного знания. Особенность этого периода заключается в установлении невозможности стерильного очищения научного знания от активного влияния социальных, экономических, политических факторов и, соответственно, в констатации определяющей роли культуры и самого человека в формировании научного знания. Термин «човекоразмерность» был введен в отечественной философии науки М. К. Петровым для осмысления проблемы «вместимости» все возрастающих объемов информации конкретным индивидом в процессе его социализации и образования. Речь идет о соразмерности наших познавательных способностей массиву информации. Эта вместимость «оказывается в явной зависимости от ментальных и физических возможностей человека, несет печать ограничений человеческой вместимости; <...> каждый в отдельности элемент системы научных знаний определенно человекоразмерен — он открыт и знаково оформлен человеком, которому не дано совершить нечто превышающее его силы и возможности» [Петров 2010: 112].

Но если посмотреть глубже — не на результат, а на основание этих познавательных способностей, — то можно применить категорию

человекоразмерности и к методологической проблеме получения научного знания. В этом случае проблема будет поставлена в аспекте обусловленности и зависимости научного знания от человеческих познавательных способностей, в неустранимости роли человека в процессе научного познания и его результатах. По сути, мы возвращаемся к кантианскому антропологическому перевороту, обоснованному изнутри самого научного знания.

Очевидно, что, будучи инициатором познания и адресатом его результатов, человек претендует быть главным действующим лицом в процессе познания. То есть понятие человекоразмерности науки должно считаться необходимым фактором того, чтобы наука вообще состоялась. Однако в процессе своего становления и понятие науки, и понятие человека наполняются новыми значениями и находятся в различных отношениях друг к другу, так что можно рассматривать становление отношений науки и человекоразмерности в историческом контексте.

Согласно идеалам и нормам, выработанным за три столетия наукой Нового времени, задача науки состоит в том, чтобы получить объективное знание о мире, из которого человек как познающий субъект исключен. Хотя наука по самой своей природе представляет собой человеческую деятельность, тем не менее ее отличительная черта, собственно ее научность, состоит в объективности, то есть сокрытии человеческой составляющей. Подобного восприятия науки как «взгляда извне», безличного источника наблюдения придерживались сторонники позитивистской интерпретации науки, отбрасывая всю «человеческую нагруженность» и историческую специфичность ситуации.

Проблема легитимности присутствия человека в науке заключается в невозможности его полной формализации: помимо рассудочного («рационального») начала, на которое опирается наука, человек есть существо чувствующее, «аффективное», то есть он обладает такими качествами, как спонтанность и непредсказуемость.

Анализируя смену понятий, характеризующих присутствие человека в системе научного знания, Я. И. Свирский формулирует две модели понимания человека с позиции его взаимодействия с научными принципами. «Как первая (человек — зияние в бытии), так и вторая (человек — непрерывная множественность) интерпретации в конечном счете опять же сводятся к упомянутым спонтанности и непредсказуемости в поведении

человеческой компоненты мироздания. Причем собственно антропологический момент возникает тогда, когда спонтанности и непредсказуемости (как в человеке, так и в окружающем его мире) воспринимаются не как некая временная техническая трудность, а как несводимая ни к чему данность» [Свирский 2002].

Поэтому проект «очищения» от «антропологического момента» реализуется в классической науке Нового времени посредством использования понятия «субъект». Субъект — отвлеченная модель человека в процессе познания, не привносящая лишнего содержания в результат познания объекта. Для классической науки такая редукция человека была попыткой «спасения» научного знания от «субъективности» с ее свитой случайностей, вероятностей, неопределенностей.

Однако с появлением теории относительности и квантовой механики сохранить классическую методологическую установку оказалось невозможным. В неклассической парадигме одной из попыток включения человека в научный дискурс, как отмечает Свирский, стало введение понятия «наблюдатель»: «Можно сказать, что здесь наблюдатель тяготеет к термину “человек” <...> По сути дела, здесь возникает ситуация, когда мы вынуждены задаться вопросом о модусе существования наблюдателя, производящего измерения в квантовом объекте. Известный мысленный эксперимент Шредингера, показывающий, что квантовым может выступать и макрообъект (кошка), демонстрирует, что парадоксы квантовой механики по сути являются парадоксами сознания» [Там же].

Постнеклассическая парадигма полностью интегрирует науку в поле культуры, где «субъект создает себя в своей “формополагающей деятельности”» [Кобякова 2019]. Таким образом, в связанной паре наука — человек акцент смещается на определяющую роль человека, возникает «установка на человека в его целостности» [Там же].

Итак, гуманизация знания — это свершившийся факт в современном мире. И мы можем констатировать, что «на сегодняшний день, при любых попытках дать обоснование общим положениям современной науки, обращение к ее человеческой природе неизбежно. Ведь именно человек создает науку исходя из критерия познаваемости ее человеком! Внутри научной деятельности и ее результатов всегда можно отыскать некие включения, имеющие своей основой и источником человеческую субъективность. Они не являются искажениями научного знания, просто сама объективность

и развитие этого знания обосновываются диалогичностью человеческого мышления. Сама наука как объективная деятельность обосновывается в своей объективности через человека, через его способности к диалогичности и целеполаганию. Последовательное объективное обоснование науки происходит именно через ее, науки, человекообразность» [Свирский 2019].

В своем теоретическом идеале данное положение имеет сугубо положительное значение, поскольку предполагает усиление значения аксиологического, этического фактора по отношению к научному знанию. Так, наш отечественный современный специалист в области теории познания, философии и методологии науки В. С. Степин сделал вывод о необходимости объединения в постнеклассической науке внутринаучных ценностей (приращение знания и т.д.) и ценностей общесоциального характера, поскольку игнорирование этого фактора создает риски катастрофы всей человеческой цивилизации [Степин 2015].

Осознавая эту проблему, постпозитивистская философия науки пытается решить ее через построение новой эпистемологической методологии. Так, например, П. Фейерабенд предлагает в качестве решения метод контриндукции, которая включает в себя два «контрправила», призванных преодолеть ограниченность классических научных представлений и требований: «“контрправило”, побуждающее нас развивать гипотезы, несовместимые с признанными и в высокой степени подтвержденными теориями <...> контрправило, побуждающее нас развивать гипотезы, несовместимые с хорошо обоснованными фактами» [Фейерабенд 2008]. Создаваемая при таком подходе конкуренция идей — «взаимно несовместимых альтернатив» — призвана вывести научное знание из плена законсервированных идей и представлений вследствие их взаимодействия с обыденным, философским, религиозным, мифологическим знанием.

М. Полани видит возможность включения «человеческого фактора» в науку через концепцию «личностного знания». Он подчеркивает неустрашимость познающего субъекта из результата познания, что фиксируется в понятии «неявного знания». Неявное знание, связанное с переживаниями человека, его заинтересованностью в получении знания, практическим мастерством и др., не получает полной экспликации в теоретических трудах, но тем не менее попытки очистить от него научное знание, по мнению Полани, являются абсурдными [Полани 1985].

Однако в требовании перехода от доминанты «объективного мира» к субъективности человека наука не зря видит угрозу собственным границам. Сам по себе конкретный человек не является воплощением этического идеала, а наделенная этим качеством отвлеченная человеческая личность далеко не всегда проявляет себя в отдельных индивидах. Таким образом, очевиден противоречивый характер понятия человекомерности науки: «Подобная противоречивость состоит в том, что, с одной стороны, обычно относительно легко показать объективность науки, но почти невозможно ее доказать, обосновать, а с другой — человекомерность науки легко обосновать, но почти невозможно показать. Вместе с тем наука формулирует общие фундаментальные законы, при этом существует уверенность в незыблемости этих законов. Однако никакого окончательного и безусловного обоснования справедливости этих законов до сих пор так и не было получено, что вынуждает констатировать, что его просто не существует» [Романовская 2001]. В итоге характер любого знания приобретает релятивный характер, зависящий от случайно определенных аксиом, не только в эпистемологическом, но и в этическом аспекте. Те же самые имплицитные установки мировоззрения ученого могут существенно влиять на результаты его научной деятельности и даже составлять большую часть построенных им теорий [Юревич 2005].

Именно поэтому возникает вопрос критерия самой человекомерности. Какой человек, с какими способностями становится «краеугольным камнем» научного познания? Где мера самого человека? Найти такой критерий представляется практически невозможно, поскольку вместе с классической рациональностью новоевропейский критерий «общечеловеческого» также уходит в прошлое, будучи деконструированным постмодернистским релятивизмом. Ценность человека в своей единичности и субъективности оказывается противоположной ценности научного знания, опирающегося на объективное как на свое существенное свойство.

Но не нужно забывать, что новоевропейская наука возникает на принципах христианской парадигмы, на основании христианских принципов отношения к знанию, процессу познания, к природе и Богу. Декарт так формулирует свою методологическую установку: «правила метода имеют трансцендентальный характер, связаны с самой природой человеческого разума» [Катасонов 2005]. В связи с этим историю и методологию науки можно рассматривать в контексте отношений человека с Богом.

Прекрасные исследования на эту тему есть, например, у современных отечественных исследователей: В. П. Лега, В. Н. Катоасонова и А. Нестерука [Лега 2015, 2020; Катоасонов 2011, 2005; Нестерук 2006].

Православная антропология содержит в качестве определяющего критерия понимание человека как образа и подобия Божия. В контексте такого понимания «субъективность» и «релятивность» человека снимаются определенностью Абсолютной константы — Бога; критерием человечности является соотнесенность ее с Богом и Сам Бог. Наука возникала на условиях общения и взаимосвязи человека с Богом, поэтому ее призванием было открывать Божественные тайны для человека. Обретая знание о природе, человек должен приобретать знания о Боге и о себе как образе и подобии Божиим. Но насколько философии Декарта присуща человекоразмерность методологии через принцип рациональности, настолько же в его принципе деизма мы находим и предпосылки разрушения этой же самой «объективной» человекоразмерности.

Что такое деизм? Это устранение Бога из человеческой реальности, оставление ее собственно человеку. Но вне отношений с Богом человек теряет и свою определенность, которая тем самым перестает быть критерием назначения человека. Неопределенность в качестве критерия постепенно заставляет науку устранить и самого человека из научного дискурса как неформализуемую единицу. В результате мы видим подмену: сначала сам человек, окрыленный успехами познания и научного метода, вытесняет Бога на периферию мира и знания, пытается заместить Бога собой (знание — сила), а затем человеческое творение в виде безликой науки поглощает своего Творца. Место Бога для него занимает наука, научная методология, претендующая на познание истины, усваивающая понятие истины собственной интерпретации в конвенциональной теории. Человек в полноте своей природы становится помехой научному знанию, досадным недоразумением, которое нужно приручить и переформатировать. Это стремление было вызвано бессилием сциентизма охватить человеческую реальность в ее целостности, следовательно, выход был найден в редукции человека к той области, на которую хватало методологического инструментария науки.

Однако задолго до того, как наука столкнулась с несостоятельностью своих основополагающих принципов, ограничения рассудочного знания были глубоко исследованы в святоотеческой мысли: в трудах аввы Евагрия,

блж. Августина, св. Дионисия Ареопагита, прпп. Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Григория Синаита, свт. Григория Паламы были выявлены и границы человеческой рациональности, и тонкости ее природы, и пути решения гносеологических проблем. В Послании к Римлянам апостол Павел говорит о необходимости *обновления ума* (Рим. 12, 2), также и в Послании к Ефессянам призывает *обновиться духом ума вашего* (Еф. 4, 23), свидетельствуя, что настоящее состояние человека недостаточно для полноценного познания истины. Согласно христианскому учению, человек «разрушен» грехопадением, поэтому все способности находятся в несовершенном, «неадекватном», состоянии, и ожидать идеального результата не имеет смысла, пока эти способности не будут восстановлены. Критерий восстановления — это Богочеловек Иисус Христос. Необходимо привести ум в соответствие с Его идеальным, совершенным состоянием: в начале познания необходимо приобрести ум *Христов* (1 Кор. 2, 16). Кроме того, всякое познание неотделимо от богопознания, оно только и возможно в свете этой абсолютной перспективы. Поэтому расщепление духовной жизни человека на составляющие приводит к расщепленному знанию, обреченному на неполноту и тотальный разрыв между ноуменальным и феноменальным миром [Кант 1998]. Святые отцы-подвижники, руководимые Словом Божиим, на собственном опыте выработали «методологию» восстановления ума. Еще в практике исихазма был открыт и опробован диалогический характер познания, к которому по-своему стали приближаться в методологических разработках гуманитарного знания в XX веке (Бахтин 1986). Исихаст открыт присутствию Другого, как сказано в псалме: «Остановитесь и познайте, что Я — Бог» (Пс. 45). Молчание ума дает возможность слышать Истину. В свою очередь умолкание ума возможно только путем усиленного сосредоточения, собирания мысли в один центр посредством памяти о Боге. «Памятию о Христе Иисусе, — пишет Филофей Синайский, — собирай расточенный ум свой» [Цит. по: Иерофей Влахос, архим. 2005]. В рамках этой святоотеческой традиции мозг воспринимается как инструмент для деятельности рассудка, способного лишь к изучению внешних объектов. Подлинное же познание как внешнего, так и духовного мира связано с сердцем — средоточием всех духовных способностей человека, позволяющих фокусироваться на Боге не как на предмете рассуждения, а как на Источнике знания и жизни.

Во второй половине XIX — первой половине XX века эти идеи были с воодушевлением переоткрыты и развиты в русской религиозной философии. На фоне разрушительных духовных процессов в Европе, плененной позитивизмом, сциентизмом, материализмом, отвлеченным рационализмом, И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, открыв для себя сокровище святоотеческого наследия, находят основания для новой гносеологии в идее «верующего разума», «умственной цельности», единства веры и разума, составляющих «необходимое условие разумения высшей истины» [Киреевский 1912]. Эти идеи получили дальнейшее осмысление в трудах Вл. Соловьева, который ввел понятие «цельного знания» [Соловьев 1999], и других ярких представителей русской философско-религиозной мысли, таких как Н. С. Арсеньев, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, В. И. Несмелов, С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн и др. Полную картину воззрений русских мыслителей дал в своем фундаментальном исследовании В. В. Зеньковский, полагая в основу историко-философской методологии критерий противопоставления этического и эстетического принципов, отражающих соответственно верующее и секулярное типы мышления [Зеньковский В. В. 2001].

«Цельное знание» как гносеологический принцип предполагает объединение всех духовных познавательных способностей человека, снимая противоречие между «внутренним» и «внешним» знанием через явление верующего разума, — разума, воспринятого в Божественную реальность. Критерием такого познания и его содержанием является неразрывное единство не только тварного бытия и тварного мышления, но и творения и Творца. Знание становится онтологичным, поскольку истина перестает быть объектом, которым нужно овладеть, но воспринимает в себя верующее мышление, позволяя ему пребывать в истине.

Анализируя природу «цельного знания», Н. В. Пендиков делает следующие выводы: «Основным гносеологическим преимуществом “цельного знания” является смысловое и ценностное единство картины бытия; “цельное знание” находится за пределами различия между объектом и субъектом, представляя одновременно и средство познания, и само знание; само понятие истины в философии “цельного знания” онтологично, что позволяет воссоздавать целостную картину бытия; логические методы познания опосредованы металогическими принципами» [Пендиков 2004].

В современной культуре отрицание человеческой реальности в ее фундаментальной связи с Божественным образом переросло в феномен трансгуманизма как новой религии [Трофимов 2008]. Принципы христианства в современной культуре — ее светском поле — воспринимаются как надуманные ограничения для человеческой свободы, познания и преобразования мира. Но зададимся вопросом о методологической роли границ. Границы — это в данном случае не внешние препятствия, устанавливаемые религиозными принципами. Границы — это определенность, наличие «предела» между чем-то и иным, возможность быть человеком и никем иным. В данном случае границы выступают пределами сохранности человеческой природы — ее особенности и уникальности в том, чтобы быть собственно человеческой. В современном мире возникает реальная опасность утраты и личностного измерения человека, отказавшегося от критерия образа и подобия Божия, и реального уничтожения мира интеллектом, освобожденным от нравственного контекста.

Литература

- Баранов В. А. Человекоразмерность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8).
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986.
- Зеньковский В. В. История русской философии. Москва : Академический Проект; Раритет, 2001.
- Иерофей Влахос, архим. Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005.
- Кант И. Критика чистого разума. Минск : Литература, 1998.
- Катасонов В. Н. Философско-религиозные проблемы науки Нового времени. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2005.
- Катасонов В. Н. Христианство, наука, культура. Москва, 2011 (2009).
- Киреевский И. В. О верующем разуме. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1912. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-veruyushem-razume/#source (дата обращения: 12.01.2023).

- Кобякова И. И. Человек в постнеклассической онтологии: методологические аспекты анализа: автореф... дис. кан. филос. наук. Волгоград, 2019.
- Лега В. П. О христианских основаниях науки (Галилей и его предшественники) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета: материалы. Т. 1: XXV. Москва : ПСТГУ, 2015. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24719374_30228249.pdf. (дата обращения: 12.02.2023).
- Лега В. П. Рец. на кн.: Ward, Keith. The Christian Idea of God. A Philosophical Foundation for Faith. Cambridge Studies in Religion Philosophy and Society. Cambridge University Press, 2017. 230 p. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. URL: <https://sdamp.ru/news/n12240/?ysclid=lpwrk7ce3v661653705> (дата обращения: 12.02.2023).
- Нестерук А. Логос и космос: богословие, наука и православное предание. Москва : Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2006.
- Пендиков Н. В. Цельное знание как гносеологический феномен: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01: Омск, 2004. URL: <http://www.dslib.net/ontologia/celnoe-znanie-kak-gnoseologicheskij-fenomen.html> (дата обращения: 12.02.2023).
- Петров М. К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4.
- Романовская Т. Б. объективность науки и человеческая субъективность, или В чем состоит человеческое измерение науки. Москва : Эдиториал УРСС, 2001.
- Свирский Я. И. Свидетель зияния (к вопросу о «человекомерности» в науке). URL: <https://refdb.ru/look/2264216-pall.html> (дата обращения 01.03.2023).
- Середкина Е. В., Ковальчук С. А. Философия и методология науки XX века: от формальной логики к истории науки. Хрестоматия. 2011. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Filosofiya-i-myetodologiya-nauki-XX-vyeka-ot-formaljjnoyi-logiki-k-istorii-nauki-KHryestomatiya.html#Index-Filosofiya-i-myetodologiya-nauki-XX-vyeka-ot-formaljjnoyi-logiki-k-istorii-nauki-KHryestomatiya> (дата обращения: 19.03.2023).
- Соловьев В. С. Философское начало цельного знания. Минск : Харвест, 1999.

- Степин В. С. Философия и методология науки. Избранное. Москва : Академический проект, 2015.
- Трофимов В. В. Человекоразмерность науки и культурные парадоксы трансгуманизма: автореф... дис. кан. филос. наук. Белгород, 2018.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. Москва, 1986. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4761> (дата обращения: 12.01.2023).
- Хомяков А. С. Сочинения богословские. Санкт-Петербург : Наука, 1995. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/neskolko-slov-o-zapadnyh-veroispovedaniyah-po-povodu-raznyh-sochinenij-latinskih-i-protestantskih-o-predmetah-very/ (дата обращения: 25.02.2023).
- Юревич А. В. Психология и методология. Москва : Изд-во Института психологии РАН, 2005.

References

- Bakhtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986.
- Baranov V. A. [Human-dimensionality as a regulatory basis of being]. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'* [Tauride Scientific Observer], 2016, no. 3 (8). (In Russ.)
- Feierabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow, 1986. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4761> (accessed 12.01.2023).
- Ierofei Vlahos, arkhim. *Pravoslavnaya psikhoterapiya. Svyatootecheskii kurs vrachevaniya dushi* [Orthodox psychotherapy. Patristic course of healing the soul]. Sergiev Posad, Holy Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 2005.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Minsk, Literatura Publ., 1998.
- Katasonov V. N. *Filosofsko-religioznye problemy nauki Novogo vremeni* [Philosophical and religious problems of science of modern times]. Moscow: PSTGU Publ., 2005.

- Katasonov V.N. *Khristianstvo, nauka, kul'tura* [Christianity, science, culture]. Moscow, 2011 (2009).
- Khomyakov A. S. *Sochineniya bogoslovskie* [Theological works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/neskolko-slov-o-zapadnyh-veroispovedaniyah-po-povodu-raznyh-sochinenij-latinskih-i-protestantskih-o-predmetah-very/ (accessed 25.02.2023).
- Kireevskii I. V. *O veruyushchem razume* [About the believing mind]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi Publ., 1912. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-veruyushem-razume/#source (accessed 12.01.2023).
- Kobyakova I. I. *Chelovek v postneklassicheskoi ontologii: metodologicheskie aspekty analiza: Diss. kand. filos. nauk* [Man in post-non-classical ontology: methodological aspects of analysis. Cand. philos. sci. diss.]. Volgograd, 2019.
- Lega V. P. [On the Christian foundations of science (Galileo and his predecessors)]. *Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta: materialy. T. 1: XXV* [Proc. Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Vol. 1: XXV]. Moscow, PSTGU Publ., 2015. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_24719374_30228249.pdf. (accessed 12.02.2023). (In Russ.)
- Lega V. P. [Review of the book: Ward, Keith. *The Christian Idea of God. A Philosophical Foundation for Faith*. Cambridge Studies in Religious Philosophy and Society. Cambridge University Press, 2017. 230 p.]. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2020, issue 87. Available at: <https://sdamp.ru/news/n12240/?ysclid=lpwrk7ce3v661653705> (accessed 12.02.2023). (In Russ.)
- Nesteruk A. *Logos i kosmos: bogoslovie, nauka i pravoslavnoe predanie* [Logos and the Universe: theology, science and Orthodox tradition]. Moscow, Biblical and Theological Institute of St. Andrew Publ., 2006.
- Pendikov N. V. *Tsel'noe znanie kak gnoseologicheskii fenomen: Diss. kand. filos. nauk* [Integral knowledge as an epistemological phenomenon. Cand. philos. sci. diss.]. Omsk, 2004. Available at: <http://www.dslib.net/on->

tologia/celnoe-znanie-kak-gnoseologicheskij-fenomen.html (accessed 12.02.2023).

- Petrov M. K. [Human-dimensionality and the world of object activity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2010, no. 4. (In Russ.)
- Romanovskaya T. B. *Ob"ektivnost' nauki i chelovecheskaya sub"ektivnost', ili v chem sostoit chelovecheskoe izmerenie nauki* [Objectivity of science and human subjectivity, or what is the human dimension of science]. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 2001.
- Seredkina E. V., Koval'chuk S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki XX veka: ot formal'noi logiki k istorii nauki. Khrestomatiya. 2011* [Philosophy and methodology of science of the 20th century: from formal logic to the history of science. Reader. 2011]. Available at: <https://sv-scena.ru/Buki/Filosofiya-i-myetodologiya-nauki-XX-vyeka-ot-formaljjnoyi-logiki-k-istorii-nauki-KHryestomatiya.html#Index-Filosofiya-i-myetodologiya-nauki-XX-vyeka-ot-formaljjnoyi-logiki-k-istorii-nauki-KHryestomatiya> (accessed 19.03.2023).
- Solov'ev V. S. *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya* [Philosophical foundation of integral knowledge]. Minsk, Kharvest Publ., 1999.
- Stepin V. S. *Filosofiya i metodologiya nauki. Izbrannoe* [Philosophy and methodology of science. Selected works]. Moscow, Akademicheskii proekt publ., 2015.
- Svirskii YA. I. *Svidetel' ziyaniya (k voprosu o «chelovekomernosti» v nauke)* [Witness of gaping (on the issue of "human-dimensionality" in science)]. Available at: <https://refdb.ru/look/2264216-pall.html> (accessed 01.03.2023).
- Trofimov V. V. *Chelovekorazmernost' nauki i kul'turnye paradoksy transgumanizma: Diss. kand. filos. nauk* [The human-dimensionality of science and the cultural paradoxes of transhumanism. Cand. philos. sci. diss.]. Belgorod, 2018.
- Yurevich A. V. *Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and methodology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005.
- Zen'kovskii V. V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Raritet Publ., 2001.